

НА ДЛИННЫХ ДОРОГАХ ВОЙНЫ (БЕСЕДА С ВНУКОМ)

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО вступило в год 40-летия Победы над гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом. Наверное, каждый из нас испытывал противоречивые чувства: радость, что столько лет силы мира и прогресса способны противостоять новой мировой войне, и тревогу, так как угроза новой, ядерной войны не уменьшается, а в последнее время стала еще более острой.

Все мы, конечно, знаем, что надежным оплотом мира является наша страна, ее политика, ее экономическая и военная мощь. И вместе с тем отчетливо сознаем, что важным оружием против новой войны является наша память о войне прошлой. Нельзя позволять утихать боли за случившееся в середине нашего века, если мы не хотим новых, еще больших несчастий в его конце. Именно потому, что советским людям памятно та распроклятая война, как никому на свете, мы ненавидим ее, пишем и говорим о ней. Пусть будет больно от воспоминаний. Но только через эту боль можно постичь цену мира.

Мне, ветерану прошлой войны, хотелось бы напомнить и о том, что нельзя забывать о конкретных носителях зла. Фашисты ходили на двух ногах, были о двух руках, владели человеческой речью. На пряжках их поясных ремней даже была выбита надпись «С нами бог». Но эти, как они себя считали, «сверхчеловеки» носили в ранцах гитлеровскую листовку, в которой содержалось требование: «У тебя нет сердца, нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик – убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишь себя навеки». И армия грабителей и убийц старательно выполняли приказы своих главарей. Только в одной моей Белоруссии от их рук погибло 2,3 миллиона гражданского населения.

40 лет назад грохнула последняя бомба, разорвался последний снаряд, последняя пуля оборвала жизнь солдата на последнем рубеже Великой Отечественной войны.

40 лет. Но стоит оглянуться назад – будто это было вчера... Гудело небо от вражеских самолетов, лавиной неслись на головы людей бомбы, снаряды, мины; ураган автоматного-пулеметного огня косил солдат в боях, атаках, наступлениях. Все мы выдержали, все испытали, прошли сквозь смертельный огонь, сквозь горечь отступления, познали радость и гордость побед, никогда не забудем, чего нам это стоило, какой ценой мы обрели мир.

Нет! Такое не должно повторяться никогда.

Вспоминая боевые эпизоды, битвы и сражения прошлой войны, видишь перед глазами, прежде всего тех, кто был рядом, кто погиб или искалечен, кто спас тебя в бою от верной гибели. И, видимо, не только нам, ветеранам, но еще не одному поколению жить с этим ощущением невольной вины перед павшими и неоплатного долга памяти.

Длинные дороги войны... У каждого ее участника они были свои, была своя судьба и свое видение событий. Возможно, поэтому каждая такая судьба не оставляет равнодушным современника, в особенности если его волнует боевое прошлое тех, кто сражался за его свободу, за его нынешнюю жизнь.

Моему внуку в год 40-летия Великой Победы предстоит призыв на действительную военную службу. Может, поэтому он в последнее время все чаще интересуется моей военной биографией. Нет-нет, да и спросит: «Дедушка, расскажи про войну». Его не удовлетворяет прочитанное о войне в книгах, увиденное в фильмах. Они не всегда находят у него душевный отзыв.

Другое дело – контакт с живым участником тех событий. Тем более с участником, которому пришлось начинать войну в его нынешнем возрасте. Что он переживал? Что чувствовал? О чем думал в то трудное военное лихолетье?

Задумываясь над этим, я про себя отмечаю, что все-таки мало у нас вышло книг и фильмов, где бы с большой художественной силой была отражена внутренняя жизнь солдат войны. К сожалению, часто в них герой, как на ладони, а трус обнажен до крайности. И совсем я не принимаю, когда войну представляют с какой-то легкостью или в комедийном жанре. Этак, в самом деле, снова захочется повоевать, чтобы повеселиться.

Конечно, и в суровых буднях боевых действий было немало казусов, которые могут вызвать улыбку сегодня и смешили самих участников событий. Вспоминаю, как в тяжелых кровопролитных боях под Петергофом в сентябре 1941 года казалось, что не было уже никаких физических и моральных сил, сил подняться самому и поднять роту в очередную контратаку. Тогда наш старшина встал во весь рост, обозвал всех рязанскими бабами, и загнул такую «симфонию» в адрес фрицев, что всех нас охватил гомерический хохот. Солдаты дружно ринулись на врага, а он почти без боя оставил переднюю траншею. Мы еще долго смеялись и шутили по этому поводу, но, извините, это не был смех благодушного веселья. За три дня боев мы потеряли более половины роты убитыми и ранеными. Это реальность войны – каждый день ее был наполнен потерями, потерями, потерями...

Самое трудное, самое страшное, что обрушилось на меня с начала войны, - это жестокая необходимость психологической перестройки и адаптации в новых условиях жизни, потребовавшая совершенно иного поведения, иных решений, чем это было в мирное время. Началось с того, что надо было делать противоестественное и немислимое до этой роковой черты – стрелять, убивать, разрушать, видеть в огромных масштабах боль и страдания других. Навалились такие беды и лишения, что дни казались бесконечными, а гримасы войны были такими жестокими, что было от чего прийти в состояние уныния или впасть в растерянность.

Но от этого никуда нельзя было уйти. И не было иного выхода, кроме как свыкнуться со всей жестокой правдой войны. Надо было самому ожесточиться, отрешиться от мягкосердечия и благодушия, заставить себя

переносить то, что вчера показалось бы просто невероятным. И среди всех бед и трудностей на первый план вышло ранее совершенно неизвестная и непонятная проблема борьбы с самим собой, со своими человеческими слабостями, с чувством страха перед смертельной опасностью, преследующей тебя на каждом шагу, каждую минуту.

Война учинила жестокий экзамен её участникам, не считаясь ни со служебным положением, ни с воинскими званиями. И как никогда потребовался пример мужества, смелости, твёрдости командиров, понадобился лидер, который бы знал, что надо делать в чрезвычайных обстоятельствах, и пусть даже с ошибками, но был способен отдавать приказы и до конца доводит их выполнение. И что удивительно? Если такой лидер находился – ему все были готовы подчиняться, даже если он не твой командир по долгу службу или младший по званию и должности.

Вспоминая события первых дней боевых действий, я безмерно благодарен судьбе, что тогда, в трудовых условия окружения превосходящими силами противника, у нас нашёлся именно такой командир. Это был старший политрук Алексей Дмитриевич Гарькавый, комендант пограничной комендатуры.

Герой Советского Союза А.Д. Гарькавый погиб на Ленинградском фронте в октябре 1941 года. Участник гражданской войны. В 1920 – 1930 гг. сражался с бандами басмачей на южной границе. Его имя присвоено одной из застав Северо-Западного пограничного округа и улица в Кировском районе Ленинграда.

Он взял на себя командование всеми, кто оказался в конце, а главное сумел вернуть людям уверенность, вместе с которой пришли организованность и осмысленность в последующих боях с противником.

А.Д. Гарькавый обошёл все позиции образовавшейся обороны, фланги которой упирались в два озера, поставил боевые задачи, приободрил людей, что было особенно необходимо в тех условиях. Появившись в окопе, он,

конечно, видел мое состояние беспомощности, но не высказал своего отношения к нему. Спросил у людей взвода почему не ушли с батальоном на прорыв, как вооружены, а затем, совершенно для меня неожиданно:

- Лейтенант! Видишь конюшню у озера? Так вот, пока она в наших руках, с этого направления оборона будет надёжной и с нами ничего не случится. Бери своих людей, и туда. Наблюдай лощину. Объясни взводу, что от вас зависит всё!

Конкретный приказ Гарькавого вывел меня из состояния подавленности. Появилась перспектива. Теперь я знал, что надо делать и для чего. Осталось нас одиннадцать. Это было меньше половины первоначальной численности взвода. Но теперь мы были уже способны на многое. Когда же узнали, что на позиция обороны с оружием в руках сражается жена А.Д.Гарькавого и его 15-летний сын, наше моральное состояние на столько повысилось, что буквально каждый почувствовал свою готовность драться с врагом в полную силу.

Наша конюшня оказалась удивительным сооружением: метровой толщины стены, из цементированного булыжника с деревянной настоеккой, добротный дерево-земляной потолок и узкие окна-амбразуры напоминали собой хорошие оборонительные сооружения. Справа – прикрытый озером фланг, а впереди – лощина, откуда можно ожидать атаки противника. Оружия и боеприпасов у нас оказалось достаточно – 4 пулемёта, несколько ящиков патронов и гранат, у всех самозарядные винтовки. По пути к конюшне сняли с подбитой бронемшины её стрелковое вооружение и прихватили боеприпасы. Мало было только еды, так не вечно же мы будем удерживать это конюшню...

Не успели мы обосноваться, как пришлось отбивать первую атаку. Бой разгорелся по всему периметру кольца. Кругом стрельба, разрывы грана, падающих мин, крики, шум, грохот. Вдруг, среди всей этой какофонии явственно слышали близкий шум работающих моторов. Неужели танки? Всё

стихло в ожидание чего-то. Потом выяснилось – Гарькавый приказал за домами деревни завести два трактора – Челябинца, они-то не только не сторожили нас, но и ввели в заблуждение атаковавшего противника.

Этот первый бой в кольце стоил нам дорого – погиб комвзвода сержант Димаков, бывалый солдат и моя опора. Он неосторожно появился перед окном и был убит снайпером противника.

Хотелось бы пояснить, что в первые дни и недели войны мы не редко несли такие неоправданные потери, потому что ещё не осознали до конца, что любая оплошность, пренебрежение к опасности неизбежно наказываются противником. На моих глазах погиб командир подоспевшей нам на помощь бронемашины, которой, чтобы лучше рассмотреть цель, открыл смотровой щиток, и тут же поплатился за это. Бесценный боевой опыт давался ценою крови и жизни.

Попытки противника смять нашу оборону своим подавляющим численным превосходством успеха не имели. Мы вели бой расчетливо. В ложине перед конюшней лежало много убитых и раненых. На этот раз мы уже не относились безразлично к попыткам убрать их с поля боя и вели прицельный огонь по любой цели.

Драматизм событий нарастал с каждым часом, с каждым днём. Передо мной сборник документов «пограничные войска в годы великой отечественной войны» (изд. «Наука», 1968 г.) Здесь помещена фотокопия телеграммы, которая была направлена командиром Элинсенваарского пограничного отряда командования погранвойск округа: «связь группы Гарькавого прервана, ведётся бой в окружении, группа, высланная поддержки и отрезана в районе школы. Связи Гарькавым не имеет личный состав, в течение 6 дней упорно отражаем все атаки противника».

Мы, конечно, надеялись на помощь извне. Эта надежда питала наши силы и стимулировала нашу борьбу. А пока забрасывали атакующих гранатами и отбивались от них с крайним ожесточением из последних сил.

На шестые сутки, о которых упоминается в телеграмме во взводе оставалось уже только четверо. Трое были убиты при отражении атак, двое погибли от огня снайперов, один при попытке добыть воду из колодца во дворе, ещё один от взрыва мины у стены конюшни. Из четырёх имевшихся пулемётов три были разбиты огнём противника. Именно эти шестые сутки были самыми трудными. Бой длился целый день без передышки. Очень трудно было всем. Когда кто-нибудь получал тяжёлое ранение, он стоически умирал на наших глазах. У нас не было никакой возможности облегчить ему страдание.

ИЗВЕСТНО, что ведение боя постоянно связано с риском для жизни это истинно воспринимается легко, когда она касается других иное дело, когда речь идет о реальной угрозе твоей собственной жизни.

Сложность проблемы в том, что нам не известна наша реакция на смертельную опасность до ее проявления, поэтому с этими неизвестными чувствами не каждому дано просто легко справиться. Перспектива лишиться жизни давит на сознание и чувство с тем большей силой, чем слабее твои волевые качества. Память сохранила те случаи, когда такое давление было соразмерным с возможностями человека, и он не был в состоянии контролировать свое поведение. В большинстве же каждый вел тяжелую внутреннюю войну с природным инстинктом самосохранения, и главное тут состояло в том, что бы эта борьба не стала самоцелью, что бы не препятствовало выполнению боевой работы в любых острых ситуациях.

Участники войны знают, что острота таких внутренних переживаний особенно проявляется в первых людях. Потом, по мере наполнения боевого опыта, становится легче владеть своими нервами. Но не бывает такого положения (кроме неоправданной бравады или отчаяния), что бы смерть не была страшной, так как не ощущает страх перед гибелью только ребенок или клинически ненормальный человек. Дело только в том, что разумных людей это ощущается по-разному, так же, как у каждого свое понимание боевой ситуации, свой уровень подготовленности и психологической устойчивости.

Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что человеку свойственно скрывать свои слабости и переживания. А еще неосознанная тревога, беспокойство, состояние стресса от нахлынувших чувств, загнанных, как говорится, внутрь, без необходимой разрядки только усугубляет положение.

Мое боевое крещение состоялось еще на границе в первый день войны и было для меня лично не вероятно тяжелым. После досрочного окончания военного училища и производства в командиры я прибыл в полк и принял стрелковый взвод за пять дней до войны. Но эти пять дней были заняты передислокацией полка границы, строительством оборонительных сооружений и всем тем, с чем это связано. Времени, чтобы освоиться с первой командирской должностью, познать службу, себя, людей, не оказалось.

А тут такое кругом загрохотало, застреляло, засвистели пули, так вздыбилась земля что не только командир, но видимо, и приличного солдата в первые часы боя из меня не получилось. Навалилась этакая непонятная жуть в мыслях, в теле, в движениях, что просто не знал, как вернуть себя к нормальному состоянию. Повезло мне только в том отношении, что красноармеец и сержант моего взвода оказались опытными солдатами. Они были кадровыми военными, почувствовали в боях с белофиннами, действовали осмысленно и уверенно.

Первую атаку мы отбили, огневую позицию не сдали. Осматривались, увидели убитых и раненных врагов. С нескрываемой нервозностью пережили свои первые потери: Четверо убитых и шесть раненных. Долго не могли успокоиться, не могли подавить напряжение, остроту восприятия опасности, старались не смотреть друг другу в глаза - а вдруг кто догадается, что тебе невыносимо страшно? Главное, каждый осознавал: вот только что был рядом с тобой твой товарищ, молодой, здоровый, полный жизни, и его уже нет. А могло ведь и тебя не стать... Как это - не стать? Немой вопрос сидит в голове

и нет конкретного ответа по существу ибо твое естество противиться понимаю этого.

Я сказал: Долго не могли успокоиться. Это не так. Минуты оказались часами. Прошло меньше часа, когда противник начал новую атаку. Как не странно, ее мы отбили более осмысленно, более уверенно, потеряв только одного товарища, а врагов на этот раз уложили куда больше. Тут я отметил для себя первый боевой опыт. Состоял он в том что нельзя бездеятельно оставаться со своим состоянием. Боевая работа, даже опасная, переключает внимание, заставляет действовать постепенно успокаивает нервы. Понял другое. Командиру стрелкового взвода, находящемуся в первой траншее, рядом с подчиненными, нельзя ограничивать управление боя – он должен лично вести огонь, оказавшаяся в моих руках самозарядная винтовка, подобранная в траншее, подсказала мне эту мысль. Почему т вспомнил, что в военном училище получил немалый опыт стрельбы. Первый выстрел, и тот солдат противника, упавший навзничь со своим автоматом, остался в памяти до сих пор. Первая стрельба по живой цели была и суетливой, нервной, но она дала неплохие результаты.

Поле того как мы отбили эти первые атаки противника и понесли не малые потери, мне показалось, что самое худшее теперь позади. Но наше успокоение оказалось преждевременным. Вскоре стало известно, что прорвана оборона нашего соседа слева. Противник ночью обошел озеро, в который упирался левый фланг обороны, наш батальон вместе с пограничниками оказался зажатым между двух озер превосходящими силами. Со стороны тыла был внезапно атакован командный пункт батальона. В неравной схватке погибли командир батальона, два офицера штаба, связисты связные.

Наступили испытания куда горше тех, что были на кануне. Окружение на небольшом «пяточке», который простреливался противником, оказывало огромное психологическое давление. Ощущение оторванности от своих

частей, неясность обстановки, отсутствие твёрдого руководства из-за гибели командования батальоном усугубляло положение.

На исходе третьих суток войны ночью в расположении окруженного батальона, через боевые порядки противника, проник командир нашего полка. Он взял на себя командование батальоном и лично повёл его на прорыв. Это был командир 461-го стрелкового полка В.А.Трубачёв, удостоенный тогда за этот подвиг звания героя Советского Союза. Мне же с остатками взвода выпала нелегкая судьба прикрывать этот прорыв с тыла, а потом действовать по обстановке.

Вот и представь себе, мой нынешний 20-летний сверстник, что за 3 дня войны ты уже успел ухватить лиха, которое и так свалилось на тебя тяжким бременем, а теперь, как говорится, без передышки надо ещё прикрывать прорыв батальона, практически не имея никакой надежды на благополучный исход предстоящего боя.

Скажу откровенно, что почувствовать это, не побывав в подобной ситуации, не возможно, как невозможно было предвидеть дальнейший ход событий.

Во взводе осталось 16 человек. В начале показалось, что лесообразнее растянуть оборону и тем самым прикрыть более широкий фронт. Однако мой опытный помкомвзвода сержант Димаков предложил держаться компактно, а фланги обеспечить пулемётным огнём. В тех условиях это казалось более правильным. Нам нельзя было терять зрительной связи друг с другом, вместе с тем и управляемости в предстоящем бою.

Все подразделения батальона, кроме нашего взвода, скрытно оставили свои позиции сосредоточились в одном месте и на рассвете яростно атаковали противника. Этот прорыв для него оказался неожиданным, поэтому его реакция на случившееся несколько запоздала. Шум удалявшегося боя в нашем тылу говорил о том, что батальон успешно решает свою задачу. Возможно, что был такой момент, что нам следовало сниматься с позиции

отходить за батальоном. Трудно было определить этот момент, а вдруг рано, а ты окажешься виновником удара по прорывающимся с тыла?!

Пока я медлил с принятием решения, противник перешел в атаку. Разгорался жаркий бой. Оторваться от наседавшего врага уже не было возможности. Оставалось одно – держаться в окопах до последнего.

И вот когда это последние неумолимо приближалось, к нам на помощь неожиданно подоспели пограничники из комендатуры, которую мы прикрывали со стороны границы. Общими усилиями атаку отбил, и наша оборона опять стабилизировалась. Наступила очередная передышка, а с невозможность осмыслить случившееся, оценить обстановку.

Тогда я так и не понял, что можно было извлечь полезного этого случившегося. Остался жив. Уцелели ещё 10 человек из взвода. Узнал, что пограничников тоже мало. А что дальше? Находясь по прежнему в окружении, отбиваться от противника в трое меньшими силами, а уж постарается наш смять, потому что ему нужна дорога на перешейке между двух озёр, которые мы вынужденно оседлали. Хорошо, если убьют в бою, а если ранение, плен, увечье, в мои-то 20 лет? В общем, заняты тяжёлыми думами, раскис лейтенант, а глядя на меня притихли, замкнулись, ушли в себя мои подчиненные. Помню их немые вопросы, растерянные лица, что ещё больше угнетало душевное состояние. Осмысленных решений у меня не было...

Ничто, наверное, не ускоряет взросление человека с такой стремительностью, как смерть, постоянно соседствующая рядом, и наблюдаемая тобой гибель боевых товарищей. Конечно, смертельная опасность – худшее, что есть в нашей жизни. Но мы ей обязаны многим – и остротой мышления, и крепостью духа, и сознанием своего «Я». Мне, во всяком случае, тогда показалось, что уже прожита какая-то очень долгая жизнь и что я стал совсем другим, неизвестным самому себе человеком.

Это моя мысль нашла подтверждение уже в другом боевом эпизоде, когда под пенек, на котором сидел боец, угодил снаряд противника и не взорвался. Ожидая взрыва, он сидел на этом пенёчке в ужасе, не в силах пошевелиться. В течение минуты его обмундирование стало мокрым от пота, а волосы покрылись мягкой белизной седины.

А между тем борьба продолжалась. Отчаявшись сломить наше сопротивление, понеся большие потери, противник изменил тактику. Началась охота снайперов и призывы через радиоустановку к сдаче. Во взводе практически не осталось никакой еды. Вода была рядом, но ее добывание было связано с риском для жизни не меньшим, чем отражение атаки. И колодец, и берег озера контролировался снайперами.

Трудности усугублялись тем, что наша оборона носила очаговый характер. Локтевой связи с другими не было. Мы видели, что два наших самолета сбрасывали ящики мешки. Дважды к нам пытались проникнуть связные пограничники от Герькавого и оба погибли от огня снайперов. Однако мы чувствовали, что все держаться, значит и нам нельзя оставлять эту проклятую конюшню. Но постепенно накапливалась усталость. Наши моральные и физические силы истощались, оставалось нас только четверо, а конца боя еще не было видно.

И все же это было не состояние беспомощности, когда тебя парализует неведомая внутренняя сила. Мне кажется, что это был один из тех военных эпизодов, когда смертельная опасность не ощущается по причине длительной адаптации. К счастью, среди тех бойцов, что были со мной в этой конюшне, не оказалось хлюпиков. Потому что один такой паникер опаснее врага. Это тоже помогло нам выстоять до конца.

Ночью 11 июля 1941 года (это были десятые сутки окружения) к нам проник связной. Он принес нам еды, сообщил, что на 4 часа назначена атака для выхода из кольца вражеской блокады, и передал приказание и этому времени незаметно остановить конюшню.

Когда мы, четверо оставшихся в живых, выползли из своего укрытия к дороге, то увидели, что туда сдвигаются все, кто находился в окружении. Делалось это скрытно, в полной тишине. На дороге за домами стояли две бронемшины, одна из которых была на буксире, полковое оружие в упряжке из четырех лошадей, а также шесть пароконных повозок. Поступила команда, и вся эта колонна сорвалась с места и ринулась в сторону противника, до которого было метров 400. За этой колонной левее дороги ринулись на прорыв и мы.

Мне трудно воссоздавать картину этого отчаянного боя. Я не все видел, не все знал, но уже понял, что эта наша обозная колонна существенно повлияла на успех прорыва. Дорога оказалась заминированной. Взрывы мин, стрельба испугали лошадей, и те, уже без ездовых, в бешенстве помчались в сторону противника.

На дороге образовалась свалка из лошадей, повозок, зарядных ящиков, загорелась бронемшина. Противник от неожиданности растерялся, переключил свое внимание и весь огонь на дорогу, рассчитывая, что прорываться мы будем по ней, а мы рванули на окопы, левее, вдоль берега озера. К тому же первые сто метров берега оказались в мертвом пространстве и не простреливались из пулеметного дзота, что был на возвышении у дороги.

Группы солдат противника, оказавшиеся на нашем пути, были мгновенно перебиты, другие бросились в стороны. Когда же враг опомнился, было поздно – мы уже преодолели его оборону и уходили к своим. Правда, наши войска находились не так близко, порядка двадцати километров от места нашего прорыва, но мы так были рады своему освобождению, что преодолели расстояние на одном дыхании и, ничто нас не могло остановить.

У меня даже появилась мысль, что противник сам был доволен тем, что мы, наконец, ушли с перешейка. И помня о своих потерях, не очень нам чинил препятствия после прорыва. Во время этой атаки погиб еще один

боец нашего взвода, и таким образом из 26 человек, с которыми я начал войну, в живых осталось трое, считая меня.

Когда я закончил свой рассказ об этом эпизоде начального периода войны, мой внук заметил, что я конкретно не сказал о том, что конкретно пришлось делать мне в момент прорыва. И потом, как получилось, что, побывав в таких переделках и потеряв 13 бойца своего взвода, лично сам я остался жив и даже не был ранен?

Дело в том, что уже тогда, когда мы вели бой за удержание обороны в конюшне, во взводе само собой сложилось так, что все оказались в положении рядовых. Здесь была полнейшая ответственность каждого за общую судьбу. В момент прорыва мне тоже пришлось действовать в качестве рядового бойца. А вот детали свалки в окопах противника почти не помню. Перекошенные от ужаса лица вражеских солдат, стрельба в упор, стоны, крик и чьи-то команды – вперед, вперед, круши их, не задерживаться, вперед... Вот и все!

Хотелось бы пояснить. Мне потом не раз еще приходилось бывать в ситуациях, когда бой доходил до рукопашного столкновения. По своему опыту и по рассказам тех, кто переживал подобное, знаю, что очень многие находятся в этот момент в состоянии крайнего нервного напряжения (шоке), и их действия больше соответствуют автоматическому поведению, нежели мысленной боевой работе. Видимо, поэтому и не только я, но и другие мало помнят детали такого боя.

Что же касается того, как удалось остаться невредимым, то думаю, что лично моей заслуги в этом нет. Приходится самому удивляться тому, что стало возможным. Судите сами, каска моя была в пулевых вмятинах, на гимнастерке и брюках много пулевых дырок, пробит поясной ремень (кстати в настоящее время он хранится в музее боевой славы средней школы поселка Пудость Гатчинского района), была раздроблена рукоятка пистолета, одна из пуль срезала полпетлицы вместе с квадратом воинского звания, осколки мин разорвали брюки в районе коленного сустава, и... ни

одной царапины. Любая из этих пуль могла пройти на сантиметр правее или левее, и все могло быть кончено. К счастью, этого не произошло.

После прорыва из окружения, мне удалось вернуться в свой полк. Он вел тяжелые оборонительные бои. Меня назначили командиром взвода в свою четвертую роту. Командиры, рядовые почти все были люди новые, мне не знакомые. И опять пошли непрерывные кровопролитные бои.

Бывают такие случаи, когда сухие статистические цифры ошеломляют своей неумолимостью, дают большую пищу для размышлений. Всамамо, деле, как осмыслить информацию о том, что 97 % моих сверстников военных лет погибли в боях на фронтах Великой Отечественной войны! Очевидцы рассказывают, что только в знаменитом танковом сражении под Прохоровкой в период Курской битвы было собрано 6 мешков (в которых хранится зерно), документов погибших советских солдат.

В одной из телевизионных передач «Солдатских мемуаров» писатель К.Симонов с великой горечью сообщал, что его двухлетние поиски солдата, который прошел бы все войну от ее начала и до победы, окончились безуспешно.

«Можно пережить войну - нельзя пережить память о ней!» Не знаю, кому принадлежать эти слова, но однажды услышав их по радио, хочу подтвердить, насколько точно они отражают мою личную действительность. И пусть будет больно от этой памяти и воспоминаний, но только через них можно постичь настоящую цену мира и еще активнее бороться за него.

Этой своей личной памятью обращаюсь к тебе, юный сверстник моих военных лет: нельзя забывать не только ту цену, которую мы заплатили тогда за мир, но и конкретных виновников зла. Я уже говорил, что фашисты и тогда ходили на двух ногах, были о двух руках и человеческим голосом произносили речи о миролюбви и ратовали только за новый порядок.

Еще более изощренными морализаторами стали нынешние империалисты. Вместе с их красивыми словами о мире, о свободе, о правах человека ты уже знаешь, какие злодеяния они творили во Вьетнаме, как они

пытаются уничтожить целый народ Палестины и творят разбой на Ближнем Востоке. Ты помнишь, как они расправились с маленькой Гренадой, содержат и подстрекают «контрас» в Никарагуа. Не забыл ты и о том, по какому «праву» они подвергли бомбардировке суверенную Ливию, расстреливали из тяжелых орудий линейных кораблей многострадальный народ Ливаны и ведут не объявленную войну в Афганистане.

И поскольку тебе известна истинная цена разглагольствований таких господ о миру, ты не дашь ввести себя в заблуждения и относительно их истинных намерений. Продолжение гонки ядерных вооружений, продолжение испытания ядерного оружия, претензии на особые права во имя мира могут вызвать ядерную катастрофу.

Из истории ВОВ ты знаешь, это чудовищное явление – война. Мой личный опыт, как видишь, только подтверждает такой вывод. И сама собой вытекает задача активной борьбы за мир на земле. В чем это должно выражаться – решать тебе. Главное – не оставаться равнодушным!

Рассказывая внуку о тяжелых боях в сентябре 1941 года, я очень хотел, чтобы он душой, сердцем воспринял картину боевых будней тех дней, чтобы он хотя бы в своем воображении оказался в той боевой ситуации вместе с тогдашними его сверстниками и глубоко осознал, что такое война.

В роте оставалось только 18 бойцов, измученных непрерывными боями. Не лучше положение в батальоне и в полку. Мало оружия, особенно автоматического. Оно погибло в боях. Почти нет на переднем крае противотанковой артиллерии. Окопы и траншеи так перепаханы снарядами, что уже трудно определить, где он, этот наш передний край. Повсюду лежат убитые, раненые, оглохшие, полужасыпанные землей солдаты. Горят два наших танка, пытавшихся оказать нам поддержку. Вокруг продолжает бушевать стена артиллерийского огня противника. Ревут моторами, лязгают гусеницами и ведут огонь из пушек его атакующие танки. За спиной в тылу горит Кронштадт, черные тучи дыма закрыли почти все небо, в котором с неистовым ревом носятся самолеты врага. Там сплошной грохот от разрыва

бомб, стрельбы корабельной, береговой зенитной артиллерии. А на тебя, кроме всего, прут густые цепи фашистской пехоты.

Во всём этом разыгравшемся напряжении боя самым опасным для нас были танки. И потому, что не было эффективных средств борьбы с ними, и потому, что такая массированная танковая атака в сочетании с ударами авиации по ближнему тылу оказывала огромное психологическое давление, парадая ощущение беспомощности и обречённости. Но вовремя пришёл приказ: танки пропускать, при возможности использовать против них бутылки с зажигательной смесью, а основное внимание сосредоточить на отражении атаки пехоты, удерживать передний край до конца.

Легко сказать - использовать эти бутылки против изрыгающих смерть, бронированных машин, да ещё и когда их десятки в аду, разыгравшегося боя...

Ты, говорю я внуку, наверное, спокойно смотришь на такие эпизоды в кинофильмах про войну, а я не могу. Попробуй поставь себя в положение этого солдата с бутылкой? Это последнее, что он ещё может сделать в бою ценой невероятного нервного и физического напряжения. Он знает, что это действительно последняя в полном и окончательном смысле этого слова, что его действия вполне можно сравнить с теми, то собой закрывает смертельную амбразуру бота, но он делает это не считаясь ни с чем!

Итак, в тот день фашистские танки навалились на наши окопы, не встретив отпора, не задерживая, они на большой скорости пошли в наш тыл. Один из них, попавший в поле моего наблюдения, был подожжен на позициях роты. Я не знаю, кто был этот смельчак, но горел танк здорово. Только мы перебили его экипаж, как он взорвался, и его броню выбросило метров на 10. Это, в общем-то, частное событие приободрило всех нас, оставшихся в живых, тем более, что и в ближнем тылу появились столбы дыма от горящих танков. Тем временем перед передним краем пехота противника шла в психическую атаку.

Фашисты на нашем направлении тогда имели огромное превосходство в людях, оружии, технике. Может, поэтому они тогда так часто безрассудно ходили в атаку плотными цепями, а иногда, построившись в колонны,- на грузовиках и бронетранспортерах. Им казалось (и это подтверждали пленные), что после таких мощных ударов авиации, танков, артиллерии ни что уже не мешало въехать в Ленинград. Наши поредевшие части они считали группами фанатиков и не принимали в расчет.

Возможно, что именно пренебрежение врага вызвало у нас ответную ярость и решимость отбить эти атаки. Заработало всё наше стрелковое оружие. Атакующий противник тоже вёл массированный автоматный огонь, но он только подбадривал их самих, нам же в окопах вреда не приносил. Зато наша стрельба оказалась весьма эффективной, куда не стреляй - трудно промахнуться. В острый момент этого боя замолчал единственный наш пулемёт, был убит наводчик, рядом лежал тяжелораненый его помощник. Пришлось немного поработать самому. Атака фашистов захлебнулась.

Мне не хотелось, чтобы сложилось такое впечатление, что в этот кульминационный день сражение с врагом наша малочисленная рота сыграла какую-то особую роль. Наша борьба была только маленьким эпизодом. А захлебнулось гитлеровское наступление в основном из-за губительного огня нашей тяжелой артиллерии. Для нас он был как музыка, как бальзам на душу.

Этот эпизод хорошо показан в кинофильме «Блокада», когда, разгадав замысел гитлеровцев, командующий Ленинградским фронтом генерал армии Жуков приказал поставить артиллерийский заслон на пут фашистского наступления и ударить по противнику всей имевшейся тяжелой артиллерией по выверенным и разведанным цепям. Стреляли форты, линейные корабли, железнодорожные артиллерийские батареи, стрелял Кронштадт. Массированный огонь из тяжелых орудий сокрушил взорвавшихся фашистов, им пришлось несколько дней приводить себя в порядок. В этот же день над Кронштадтом было сбито более 30 фашистских самолётов.

К вечеру наступило затишье, иногда прерываемое вспышками артиллерийской стрельбы с той и другой стороны. Все мы наслаждались передышкой, лежали, кто где и никому не хотелось даже двигаться. Немцы убрали свои трупы и раненых, а у нас не было ни какого желания препятствовать этому. И вдруг, где-то недалеко в нашем тылу, мы услышали немецкую речь, смех, хохот, выкрики... Все вскочили и просто опешили - в чем дело? Как они там оказались?

Из-за кустов, на открытое место, вышли одиннадцать гитлеровцев, совершенно не подозревавших, что они с тыла проходят наш передний край обороны, и продолжавших бурно обсуждать свои какие-то похождения. Дальше все получилось само собой - не прошло пол минуты, как перед нами лежали 11 трупов. Оказывается, это была, снабженная рацией группа корректировщиков артиллерийского огня, проникшая в наш тыл.

Что меня поразило в этом эпизоде? Почему он мне врезался в память?

Дело в том, что я за всю войну так и не смог свыкнуться с таким парадоксом жизни, что полный здоровья и сил человек вдруг становится трупом. Конечно, это реалии войны, и такими их нужно воспринимать, но не каждому это дано. Справедливая кара вызвала у меня тягостные ощущения.

Вспоминаю и ещё один такой случай, приведший меня буквально в шоковое состояние. Рота цепью выходила из леса, в какую-то очередную контратаку. Как всегда - стрельба, взрывы, крики, команды. Двигаясь в этой цепи, я, не смотря на естественный шум боя, вдруг услышал два щелчка, напоминающие пулевые удары в дерево. Огляделся: справа и слева от меня шедшие в цепи ребята получили смертельные пулевые ранения и тут же упали. Я идущий в середине остался целым... Пулемётная очередь досталась не мне. До чего это было противоестественно. Просто злодеяние какое - то. Но что поделаешь - война! Для неё это обычное солдатское дело, и его, это дело, надо было продолжать, чего бы это не стоило.

Вспоминая тяжёлые сентябрьские бои 1941 года под Петергофом, и переживая боль утрат, я не могу не рассказать ещё об одном эпизоде тех

дней. В 20-х числах, когда наша оборона постепенно стабилизировалась, а враг выдыхался, но ещё был достаточно силён, в роту пришло, наконец, пополнение. Это были молодые ленинградские ребята. Многие из них только что окончили среднюю школу или учились в ремесленных училищах. Они прошли двух- трёх месячный курс военной подготовки в запасном полку и попали в такое пекло войны. Для тебя, говорю я внуку, это должно быть особенно показательно, потому что это уж совсем твои сверстники.

Скажу прямо, что времени для привыкания к боевой обстановке не было (а на войне чаще всего так и бывает), и все эти реалии и боя: бомбёжки, эти низко артиллерийско-минометные обстрелы, ружейно-пулемётная стрельба, убитые, раненые, кровь, грязь - оказались для них непосильным бременем, воспринимались ими очень тяжело. Боевой опыт этим ребятам доставался дорогой ценой.

Веление любого боя имеет свою тактику, свои правила, которые всегда должны соответствовать конкретной обстановке. Ими никак нельзя пренебрегать. Например, элементарно, нельзя при обстрелах собираться группами, высовываться из окопа без надобности. А эти, мои солдаты, в условиях смертельной опасности, не выносили одиночества, и все время стремились быть поближе друг к другу. Так получилось, что только от двух тяжелых мин погибло сразу 17 человек, да еще оказались раненые. Это обстоятельство совсем деморализовало ребят, мне пришлось приложить отчаянные усилия, чтобы внушить им необходимость рассредоточения. Но в минуты арт-огня противника они снова неизменно сбивались в кучу, поближе ко мне, и смотрели на меня отрешенными глазами, полными страха и ужаса.

В общем, солдатами войны им еще предстояло стать, но нельзя было этого ожидать и нести неоправданные потери, как оказалось, за два дня рота потеряла половину своего пополнения. При этом несли потери оставшиеся в строю бывалые воины. Необходимо было принимать срочные меры.

В тех условиях мог помочь только личный пример самообладания и мужественного поведения. Мне пришлось постоянно обходить траншею, отвлекать беседами, иногда вести себя излишне самоуверенно. Это не могло сказаться и на моей личной безопасности. Если этих ребят я несколько успокоил, то сам попал в беду. В один из напряженных моментов боя 29-ого сентября буквально в трех- четырех метрах от меня разорвалась фугасная мина...

Очнулся я через сутки в медсанбате, располагавшемся в Лебяжьем. Обнаружил, что одним осколком мне вскрыло 17 сантиметром брюшной стенки, а другой, с куском шинели, застрял в левой ягодице. Кроме того, воздушной волной взрыва оказался перебитым слуховой нерв.

В общем, прошло всего полтора месяца после первого ранения, а я снова оказался в госпитале. Эвакуировали меня в Ленинград морем. В районе занятого противником Петергофа судно обстреляли, к счастью, прямых попаданий не было. Ленинград к этому времени уже был в кольце блокады. Госпиталь, располагавшийся в зданиях Политехнического института, несколько раз бомбили. Он подвергался и артиллерийским обстрелам. Выписали меня в часть с ограничением к строевой службе во второй половине декабря, когда началась в полную силу голодная и холодная блокадная пора.

Закончив свой не хитрый солдатский рассказ о боевых делах под Ленинградом в августе-сентябре 1941 года, мне интересно было узнать у внука, как он воспринимает услышанное, что у него на душе, в сердце от всего когда-то мной пережитого! Его ответ оказался таким, как я и предполагал. Современному молодому парню не хватает воображения, чтобы поверить в такую реальность боевой действительности. Его взволновала страстность моего рассказа, затронули переживания давно минувших событий, и он ощутил протест против войны. Однако его удивило, что спустя 43 года мне так памятны детали боев.

Пришлось объяснить, что детали помнятся, конечно, не все. Но те из них, которые соседствовали со смертью в разных проявлениях и в огромных масштабах, будут помниться вечно. Лично мне еще спустя 5-6 лет после войны она продолжала сниться. По ночам я метался как в бою, и рядом не безопасно было находиться. Только после 1950 года, когда я, по советам врачей, стал серьезно заниматься охлаждающими водными процедурами мне удалось успокоить нервы.

После выписки из госпиталя всю блокаду я воевал в разных частях ленинградского фронта. Для меня лично это был второй этап длинных военных дорог.

Вспоминая блокадные дни, мне только хочется подчеркнуть, что запало в душу, - поведение людей, полное благородство, достоинства, самопожертвования, подчеркнуть особую ленинградскую гордость за свой город, патриотизм и веру в торжество нашей победы. В эти, самые тяжёлые для Ленинграда дни и месяцы партийная организация Ленинградского фронта, несмотря на большие потери в боях с врагом, в полтора раза увеличило свой состав. И лично я тоже вступил кандидатом в члены партии в феврале 1942 года.

В. НАЛИВАЙКО

НА ДЛИННЫХ ДОРОГАХ ВОЙНЫ.

С РАЗГРОМА гитлеровских войск под Ленинградом и наступления войск Ленинградского фронта начался третий, теперь уже действительно этап длинных военных дорог: Ленинградская, Псковская области, Эстония, Архангельск, где мы ожидали погрузки на суда в Норвегию. Но вместо этого были поданы воинские эшелоны и, поехав через всю страну в Польшу, я оказался на Сандомирском плацдарме. Здесь накапливались войска 1-го Украинского фронта для последнего удара по гитлеровской Германии.

Итак, наступило, наконец, время побед и под Ленинградом. Трудно описать какой подъем царил в войсках! Мне лично на этот раз не пришлось атаковать противника в цепи наступающих, как это было прежде. Я уже был офицером оперативного отдела штаба 67-й армии, который располагался севернее Синявина у Ладожского озера. Но как ликовало сердце! Ведь наступление началось с Ораниенбаумского плацдарма и именно с тех рубежей, на которых дралась моя обескровленная рота в сорок первом. Полки 2-й ударной армии Ленинградского фронта пошли в яростную атаку под звуки песни «Вставай, страна огромная», усиленной мощными радиоустановками. И ничто их уже не могло остановить.

Задача 67-ой армии было иной. Мы должны были выждать. По замыслу командования две армии Ленинградского фронта с севера и армии Прибалтийского фронта с востока пробивались на встречу друг другу. В случае успеха огромная группировка войск врага, находившаяся южнее Ладожского озера оказалась в окружении. Но наученный горьким опытом враг, почуяв угрозу, ночью в течении короткого времени, оставил свои позиции и бежал с рубежей на правом берегу Невы. Начались бои по преследованию врага, за опорные пункты, города, и села. Это было для нас новым, поэтому не все получалось как надо. Сказалось длительное пребывание в обороне. Но успех воодушевил, наступательный порыв наших частей был высоким, люди буквально рвались в бой, враг, враг ожесточенно сопротивляясь, отступал.

Весь период наступления частей 67-й армии до Пскова мне довелось выполнять функции офицера связи командования. На автомобиле, а чаще на связном самолете ПО-2 («кукурузнике») разыскивал штабы корпусов и дивизий, передавал приказы, получая оперативную информацию. Садись где придется. Дважды попали под атаку истребителей, но опытный летчик, в прошлом сам истребитель, ушел на бреющем полете, хотя не обошлось без пробоин в фюзеляже. На Сиверском аэродроме совершили посадку в сплошном тумане. Когда самолет закончил движение, обнаружилось, что он

остановился буквально в метре от бомбардировщика с подвешенными бомбами. Постояли мы с летчиком, покачали головами – обоим все стало ясно до предела.

В другой раз пришлось садиться на огородах у разрушенной деревушки южнее Луги. Дело было срочное. Три раза заходили на посадку, но все не умещались в размеры площадки. На четвертом круге летчик рискнул и... зацепился лыжами за крышу баньки. Самолет грохнулся носом в огромный сугроб за ней, что позволило нам обоим отделаться только синяками и шишками.

Апрельские бои нашей армии юго-восточнее Пскова запомнились не только своим ожесточением, но и такой распутицей на дорогах, о которой я и понятия не имел. Практически весь транспорт увяз на дорогах в безнадежной грязи, такой липучей и засасывающей, что, помнится, собственные ноги можно было переставлять только с помощью рук, чтобы не остаться без сапог. Снабжение войск стало крайне ограниченным и это, естественно, не могло не сказаться на боевых действиях. В этих трудных условиях, отступавший противник сумел занять заранее подготовленную им мощную оборонительную полосу «Пантера» и приостановил продвижение войск 67-й армии. Нам удалось только на узком участке южнее Стремутки прорвать первую полосу этой оборонительной позиции. Наши части были остановлены противником, когда им оставалось всего 4 – 5 километров до реки Великой. Псков был в руках немцев.

В результате боев образовался выступ, врезавшийся во вражескую оборону на глубину 5 – 6 километров. Основание выступа не превышало 8 километров, а вершина – не более одного километра. Естественно, противнику не нравилось это, и он предпринимал отчаянные атаки, чтобы добиться окружения наших частей, находившихся в этом выступе. Нам же этот плацдарм давал возможность прорыва к реке Великой, поэтому оставлять его было нецелесообразно.

Вот в такой драматической ситуации я получил назначение в штаб полка, оборонявшего вершину выступа. Таким образом, судьба снова вплотную сблизила меня с противником. Бои здесь шли яростные, изнурительные. Весь выступ простреливался даже огнем стрелкового оружия с фронта, и с флангов. Сыпались бомбы, рвались снаряды и особенно ручные гранаты. У деревни Яваново наша оборона находилась в 30 – 40 метрах от позиции врага. Здесь особенно часто использовались ручные гранаты. Мы несли потери, но не думаю, чтобы у фашистов они были меньше.

Продолжалось это противостояние около трех месяцев. Несмотря на часто возникающие критические ситуации, наши солдаты дрались спокойно, расчетливо, уверенно. Уже не было того фатального давления на психику, как тогда в сорок первом.

Впервые за все время войны мне довелось быть свидетелем массированного использования огнеметов. Пехота противника, устремившаяся в атаку в полной в полный рост, была встречена не залпом стрелкового оружия (здесь уже почти что некому было стрелять), а врытыми в землю батареями огнеметных установок. Пренеприятное зрелище. Надо было видеть с каким ужасом бежали фашисты.

А из разряда казусов того времени не могу забыть, как наши самолеты-штурмовики выгнали нас из занятой с таким трудом деревни. Доставалось еще и от наших бомбардировщиков ПО-2. Они по ночам бомбили ближний тыл фашистов, а поскольку наша оборона вклинивалась в позиции врага, то попадало и нам.

«Кадры и приборостроение», № 26 (5339), 21 октября 1987г.

В.Наливайко,

Ветеран Великой Отечественной войны